

Знахарь

Автор:

Марина Александрова

Знахарь

Марина Генриховна Александрова

Корни земли #10

Перстень судьбы, крушащий на своем пути жизни и судьбы людей, которым довелось с ним соприкоснуться, попадает в руки Филиппа Одинцова от умирающего деда, который передал вместе с ним и тайны знахарства. Филиппу предстоит встреча с Григорием Распутиным, после которой перстень получит новую порцию разрушительной энергии...

Марина Александрова

Знахарь

Легенда о перстне

В давние времена в городе Константинополе жил человек. Слыл он великим мастером ювелирных дел. Не было ему равных не только в Константинополе, но и во всей Византии. Делал мастер перстни, браслеты и ожерелья и тем зарабатывал немалые деньги.

Всего было в достатке у ювелира, не было у него только семьи. Жил он одинокой холостяцкой жизнью, а годы шли, и был он уже немолод.

Но вот однажды встретил мастер девушку, прекрасную, как сама любовь. Воспылал к ней страстью ювелир, и девушка, как это ни удивительно, ответила ему взаимностью. Ювелир женился на ней, препятствий к этому никаких не возникло, и стал жить семейной жизнью.

Только после свадьбы понял мастер, что многое не разглядел в характере своей красавицы-жены. Оказалось, что под ангельским личиком скрывается дьявольский нрав. Но мастер все равно продолжал любить свою жену, а потому прощал ей все злобные выходки, принимая ее такой, какая она есть.

Время шло. Ювелир делал свои украшения, предоставив молодой жене полную свободу действий. Та занималась исключительно самой собой, не прилагая ни малейших усилий к тому, чтобы сделать счастливым мужа.

Однажды жена все же подарила мастеру радостную весть, сказав, что она беременна. В положенный срок на белый свет родилась девочка. Семейная жизнь начала потихоньку входить в спокойное русло. Конечно, примером добродетели жена мастера не стала, но и откровенно злобных выходок себе уже не позволяла.

На самом деле, причиной этому было не рождение дочери и не изменения, произошедшие в характере жены. Ювелир и не догадывался, что его жена, уезжая на несколько дней, вовсе не гостит у родителей, как она обычно говорила, а принимает участие в служениях, противных Богу, то есть в черных мессах.

Годы все шли и шли, мастер по-прежнему ни о чем не догадывался. Его только удивляло, что жена, когда уезжала навестить своих отца с матерью, никогда не брала с собой дочь. Она всегда отговаривалась тем, что отец не может простить ее за то, что она подарила ему внучку, а не внука, и девочку видеть не хочет. Ювелир изумлялся стойкой неприязни свекра, но вслух ничего не говорил. Он-то любил свое единственное дитя до самозабвения.

Дочь подросла и стала писаной красавицей, не уступающей в красоте матери, да душа у нее была светлая, как у настоящего ангела, сошедшего с неба для того, чтобы спасти нашу грешную землю.

Но однажды жена внезапно выразила желание взять девушку с собой. Та с радостью согласилась. Вернулась жена через месяц. Обливаясь слезами, поведала она мастеру о том, что их единственная дочь скончалась от болотной лихорадки по приезде к родственникам.

Ювелир был безутешен, но ни на минуту не усомнился в правдивости слов жены, только лишь изъявил желание как можно скорее посетить могилу дочери. Жена не сопротивлялась открыто, но каждый раз находила все новые поводы, чтобы отложить поездку.

Наконец, ювелир заподозрил неладное и, не сказав жене ни слова, уехал к ее родителям один. Каково же было его недоумение, когда он обнаружил, что родители жены скончались несколько лет назад. Сначала он не поверил этому, но когда посетил кладбище, нашел там их могилы. Могилы же дочери ему найти так и не удалось.

Вернувшись домой ювелир не сказал жене ни слова о том, где был и что обнаружил. Та, испугавшаяся сначала, постепенно успокоилась и пришла к выводу, что ее супруг ездил по каким-то своим делам.

Ювелир начал следить за женой. Когда она в очередной раз собралась ехать к родителям, он сказался больным и по этой причине не стал настаивать на поездке с ней, чтобы провести могилу дочери. Жена уехала, а он последовал за ней, стремясь докопаться до разгадки зловещей тайны.

Мастер прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть, как участники черной мессы приносят в жертву сатане молодую девушку. Это была уже не дочь ювелира, но тот проник в суть происходящего.

В следующий раз черная месса была прервана в самом разгаре появлением священников. Жenu ювелира, по его просьбе, не предали смерти, как остальных участников черной мессы, а привезли в монастырь, чтобы изгнать из нее демона. Ритуал проделали со всей тщательностью, и наконец душа ее очистилась от скверны. Сразу же после того, как дьявол был изгнан, жена мастера скончалась.

Отпускать демона бродить по земле было бы весьма неосмотрительно, но и погубить его окончательно невозможно. Потому решили заточить его, чтобы не мог он вредить людям. Для этого ювелир изготовил кольцо – простенький

серебряный перстень с черным опалом. В него-то стараниями монахов демона и загнали.

Когда ювелир изготавливал перстень, монахи наложили на него заклятье. Они понимали, что когда-нибудь, несмотря на все ухищрения, перстень может попасть в чужие руки. Поэтому следовало как можно более хитро обезопасить проклятое украшение. Естественно, сделать его совсем безобидной побрякушкой не представлялось возможности, но подчинить в некоторой степени демона, таящегося в кольце, воле его владельца монахам оказалось под силу.

В итоге демон, заключенный в кольцо, не мог вредить своему хозяину, а наоборот, вынужден был во всем помогать ему до тех пор, пока тот не совершит три поступка, которые разрушат чары заклятья. И уж тут-то демон волен расправиться с владельцем перстня, и ничто не станет ему в этом преградой.

Словом, демон мог освободиться только в том случае, если его владелец совершит три проступка: владелец перстня должен был стать причиной смерти женщины, лжесвидетельствовать и лишить ребенка куска хлеба.

Монахи не думали, что перстень еще когда-нибудь окажется в руках кого-нибудь из мирских людей. Мастер, постригшись, остался в монастыре и всегда носил перстень на левой руке как напоминание о своей неосмотрительности и постигшем его горе. Он завещал похоронить зловещее кольцо вместе с ним, чтобы навсегда избавить людей от напасти, но судьба распорядилась иначе.

Однажды мастер отправился с неким поручением в соседний монастырь. По пути на него напали разбойники. Ювелира убили, сняли с шеи золотой крест, а с пальца дешевое серебряное кольцо с черным опалом. С тех пор проклятый камень начал странствовать по свету, принося людям горе.

Глава 1

Хутор Ближний. 1912 год

Жизнь всегда близится к концу. С самого начала она уже идет к завершению. Рождение жизни – это начало ее конца. У нее нет определения, середины. Потому что никто не знает, где она – середина жизни?

Не знал этого и Филипп Одинцов. В двадцать пять лет он решил, что так же беспомощен и одинок, как и каждый рожденный младенец. И что у него сейчас – середина жизни или ее начало?

Похороны деда, единственного родного для Филиппа человека, который вырастил его и воспитал, научил всему, что знал сам, взяла в свои опытные руки тетка Глаша, дочь деда Игнатия, сестра покойной матери Филиппа. Она видела, что Филипп подавлен и не помощник ей.

– Ты уж не горюй, – успокаивала она его между делом, – не замыкайся в себе. Сколько у тебя дел еще на свете! Ты о людях помни, что деда чтити и уважали. От тебя они того же ждут.

Филипп молча выслушал слова тетки и тяжело вздохнул.

– Тетя Глаша, как же я теперь? – спросил он скорее для того, чтобы услышать подбадривающие слова.

– Как это – как? – вмешался грузный и серьезный муж тетки Павел. – Дело лекарское знаешь, учить тебя не надо. Вот и будешь людям помогать, пока... до весны. А там сам решай – или в город учиться пойдешь, или здесь останешься.

– Да и что тебе в городе-то делать? – поддержала разговор Глаша. – Делу-то знахарскому, чай, с детства обучен. Люди тебе верят, как и деду.

– И я про то же, – попытался оправдаться Павел за свою спешную отправку племянника в город, – я просто поддержать его хочу, ежели не захочет он тут оставаться.

Филипп с благодарностью смотрел на своих родных. Да, настало время и ему всерьез задуматься над своей жизнью.

«Что же мне делать? И решать я должен сам, а не сваливать свои заботы на плечи родных, у которых и так забот хватает. Вот и дочь их, Ольга, уже невеста на выданье, Олегу пятнадцать скоро. До меня ли им?» – думал Филипп.

Еще при жизни деда он мечтал попасть в Москву и служить императору Николаю II, но теперь понял, что дед завещал ему не только свой дар и талант врача, но и долг перед людьми, которым нужны помощь и забота. Игнатий так и жил, отзываясь на любую просьбу страждущих. Но была у Филиппа тайная мечта – он хотел увидеть знаменитого Григория Распутина и, возможно, чему-нибудь поучиться у него. Но мечта оставалась мечтой, и вдвойне было грустно и печально Филиппу – и от смерти деда, и от своих несбыточных желаний.

– Ты, может, у нас поживешь? – осторожно спросила Глаша.

– Нет, тетя, спасибо. Я пока в дедовой хижине обоснуюсь. Привыкнуть надо к тому, что деда не стало, а то так и буду сюда душой рваться, а потом горевать.

– Да ты сильно-то не переживай! – хлопнул его по плечу Павел и вышел.

Павел понимал, как трудно терять единственного родного человека. Ведь с самого малолетства Филипп на руках деда вырос. После того как его родители умерли от какой-то болезни, стал дед сам лечить и внука больного на ноги поставил. Вот Филипп и стал единственным наследником небогатого Игната.

Глаша после смерти своей сестры так и не стала ближе к отцу, не могла забыть, что по его вине умерла их матушка. Не повез он ее тогда к повитухе, решил сам роды принять у жены своей, что была беременна третьим ребенком. И мальчик новорожденный, и мать умерли тогда. Остались Глаша и Геля на руках стареющего Игната.

Тогда жизнь повернулась к ним черной стороной. Еще отец деда завещал своему сыну наследовать фамильное умение – лечить от всякой хвори людей, но Игнат отказался от этого, предпочтя знахарству военную службу. Из-за этого подзабыл он, чему учил его отец, и не смог спасти свою жену, мать Глаши и Гели, а потом и дочь свою, Гелю, матушку Филиппа, тоже от смерти не уберег. И опять оттого, что не усердствовал в своем предназначении, не слушал советов отца своего, хотя знаков ему было в жизни немало.

Только после смерти Гели и болезни Филиппа дед Игнатий вернулся к знахарству, обучился всему не хуже, чем монах в обители своей.

Об отце Филиппа не знал никто. Кто он был? Как звали? Никому Геля открыться не могла, с кем согрешила и кто отцом Филиппа стал. Даже перед смертью тайны своей не раскрыла никому, как ни просил ее отец. А сестре, похоже, шепнула, но клятву взяла с нее страшную. Да и никто об их последнем разговоре не ведал.

– Не было с рождения, не надо и теперь! – только и говорила она. И перед самым отходом из мира завещала сыну цепочку золотую в память то ли о себе, то ли об отце.

– Передайте ему это... может, когда-нибудь... – и все. Откинула голову, и кровь пошла горлом, после чего и умерла.

На могиле своей дочери поклялся Игнат, что сделает из внука достойного человека и поможет Филиппу избежать тех ошибок, какие сам когда-то совершил. С самого нежного возраста внука Игнатий учил его знахарству и перед смертью завещал всю жизнь положить на благо и здоровье людей.

– Ты не ленись, а смотри и будь начеку! Всякое может случиться, а ты и не поможешь! Какой же ты тогда лекарь? Тем более, что наследственное это! Не позорь дело наше и умение, – наставлял дед внука, но Филипп считал, что дед будет вечно, а умение придет со временем, и потому не слишком усердствовал в учении.

– Я буду таким, как и ты, дед! – отвечал ему Филипп и убежал с ребяташками на речку.

Перед смертью дед подарил внуку колечко:

– Этот перстень – наш оберег родовой. Всем он помогает, только сила его передается по мужской линии рода. Коли будешь усердствовать и людям добро нести, станешь богатым и сильным, а коли зло творить начнешь – не простит тебя Господь – и настигнет проклятие, заключенное в камне самим дьяволом.

– Ух ты! Правда? – удивился внук. Конечно, он и раньше слышал от деда истории, связанные с этим кольцом, но не думал, что скоро сам станет им владеть.

Дед торжественно передал перстень внуку и через несколько дней умер. Вспомнил Филипп слова дедовы и посмотрел на колечко.

– Права тетка, люди на меня с надеждою глядят! Не посрамлю память деда! – поклялся Филипп. Пришел на память больной, который жил в доме у них, когда Филипп был еще мальчишкой. То был блаженный Фома Рябчиков тридцати лет. Дома намучились с ним из-за его чудачеств и прислали к деду на лечение, хорошие деньги заплатив, но дед сразу сказал, что не станет Фома нормальным.

– Это с кровью приходит, со смертью и уйдет, – сказал тогда Игнатий отцу Фомы, а маленький Филипп внимательно слушал их. Ему очень нравился Фома. Он ведь был, как маленький. Играл с ребятами, дразнился, кусался и плакал, и Филиппу очень не хотелось, чтобы его забрали. Вскоре он умер, и в тот же день дед Игнатий видел сон.

– Филипп, подойди-ка ко мне, – попросил дед, – может, забуду я, а может, помру, не успею сказать, а тебе надо бы это знать. Мне вчера Фома снился, много всякого рассказал и о тебе не забыл. Говорит, проси Филиппа об отверженных обществом не забывать и к их словам прислушиваться. Спасет-де он дорогого человека, коли послушается! Вот! Я-то, конечно, в эти сказки не верю, но просьбу покойника передать надобно. Это святое!

Внук только изогнул бровь в недоумении и отошел. И тут с особой ясностью заметил дед, что не похож внук на Одинцовых. Ничем. Игнатий удивился и огорчился такой природной несправедливости.

– Надо ж так уродиться! – сетовал он. – На наших-то ведь совсем не похож, видать, в отца. А у того кобеля, видно, кровь сильная, коли ликом и бзиком не в наших уродился.

– Да перестаньте вы, отец! – обижалась Глаша и уводила из комнаты маленького племянника, а дед только посмеивался в бороденку и тетешкал без конца маленького Филиппа. А потом, когда Филипп подрос, непохожесть ни на кого стала очевидной, бросалось в глаза, что не простой крови внук Игнатия. Рост, походка, жесты, взгляд и внешняя красота разительно отличали его от

рязанских сородичей Одинцовых. Порой доходило до того, что он чувствовал себя чужим и горько сожалел, что так отличается от сверстников – обычных деревенских парней.

Но время шло, и Филипп понял, какую выгоду он может получать от своей внешности. Это, конечно же, касалось девушек. Не одна деревенская красotka втайне мечтала о нем! Он думал о них с нежностью и грустью, но не мог полюбить по-настоящему никого.

Не терял он и надежды посетить столицу, увидеть императорскую семью, великих княжон, о красоте и воспитанности которых был наслышан. Но, со временем поняв несбыточность своих грез, он всерьез занялся знахарством, и не оставалось у него времени ни на девушек, ни на гулянки. Парни окрестных хуторов могли вздохнуть спокойно, а молодые красотки, потосковав, стали выходить замуж и рожать детей.

– Филипп, обедать, – услышал он голос тетки, вырвавший его из приятных воспоминаний и заставивший вспомнить суровую действительность.

...Через сорок дней после смерти деда Филипп съездил в Новгород и закупил нужные порошки и травы для дела. Книги и записи Игнатия хранились в порядке, и потому Филипп решил первым делом прочесть все от начала до конца.

Глава 2

Свежий морозный воздух приятно взбудрил. Во дворе он увидел Ольгу. Та радостно помахала, приветствуя брата.

– Скорей, Филипп, обед уже на столе! Сколько можно бродить по лесу? Зимой ты все равно ничего не отыщешь!

– Ты не права, – сказал Филипп, – а почки и ветки деревьев? Ты просто не знаешь всей ценности обычных трав и деревьев, растущих на земле. Они – хранилище бесценных даров. И зимой, и летом, и весной, и осенью всегда можно

воспользоваться этими дарами. Только мера нужна во всем.

- Ох, как ты заговорил! - подзадорила его сестра.

- Разговоры - разговорами, а дело - прежде всего. Вот коли родится у меня сын, так я и ему свое дело передам, - мечтательно произнес Филипп.

- Мало тебе, что Олег уже лекарить начал? То с собаками нянькается, то сурков в дом понатащит! А потом у самого лишаи не сходят! - ласково ругалась сестра.

- Порода, - только и ответил ей Филипп.

Филипп жил один, но Ольга и тетя Глаша никогда не оставляли его без внимания. Дня не было, чтобы они не зашли и не навели в доме порядок после Филипповых экспериментов. Да и посетителей у него хватало. Как привыкли люди к деду Игнату захаживать со всякой болячкой, так и тянулись в эту хижину теперь к Филиппу. А утром прибежал кузнец Мишка Петров, сообщил, что вот-вот его жена Василиса родить должна, срок пришел, и ждут они его помощи. Заявил, что-де в больницу ехать далеко, да и накладно, вот и решили они с женой довериться ему. На все возражения Мишка только рукой махнул.

Так что больше всего страшился Филипп предстоящих родов. Он содрогался только от одной мысли о них, но, видя, что люди ему доверяют и не боятся, сам себя успокаивал.

- Все принимают это как должное, и ты должен с этим смириться и, конечно, оправдать призвание свое, - советовала Глаша.

- Я знаю, что справлюсь! - уже увереннее отвечал Филипп.

* * *

Он сидел с Павлом на кухне после утомительной и тяжелой работы в лесу. Они валили деревья. Так как Филипп отказался жить с Глашиной семьей, пришлось запастись дровами на два дома.

– Василиса рожает! – возбужденно крича, влетела в дом Глаша. Филипп вскочил, опрокинув на себя миску с хлебом.

– Тише ты! – шикнул на нее Павел.

– Как это тише?! Баба того и гляди родит прямо на улице... – начала оправдываться Глаша.

– На улице?! – от негодования и удивления Филипп остановился, забыв, куда направлялся. Глаша, как бы извиняясь за Василису, потупила взор и ответила:

– Муж-то ейный тоже в лес пошел, за дичиной, а она решила сама скотину накормить, вот и вышла.

– Совсем ополоумела, дурная баба? – возмутился Павел. – А вы что ж смотрите?! Помогли бы ей!

Филипп выскочил из дома и направился к Василисе, сопровождаемый толпой галдящих баб. Его статная, высокая фигура заметно выделялась в приближающейся толпе, и Василиса облегченно вздохнула:

– Наконец-то все кончится...

– Нет, милая, все только начинается, – ответил он и поднял ее на руки.

Василиса хотела провалиться сквозь землю, чтобы скрыть смущение и стыд, который испытывала пред этим молодым и красивым лекарем. Боли она не чувствовала. Странно, но как только Филипп склонился над ней, боль куда-то улетучилась, осталась только нереальность, ускользающая из сознания и не поддающаяся воле.

* * *

Василиса приехала в хутор Ближний несколько лет назад с мужем. Тогда она и заметила Филиппа. Частенько она сталкивалась с ним у колодца или у Игнатия, когда приходила к нему за снадобьями. И всегда смущалась при виде этого

статного красавца. Каштановые волосы, серые глаза, нежные, словно девичьи, губы и сильные мужские руки – и это еще не все достоинства Филиппа, за которые он ей нравился.

Но никому и никогда она не могла открыть своего сердца. Выданная замуж совсем девчонкой за нелюбимого и почти не знакомого ей человека, она молча терпела превратности жизни, а тут позволила себе одну-единственную слабость – любить! Любить сильно, глубоко и искренне. Увы, Филиппу это не дано узнать.

Когда-то давно цыганка нагадала ей, что смерть к ней придет от любимого человека. Им для нее был муж, которого она и боялась, и уважала, и, может, свыклась, принимая обязательность отношений за любовь. Своего Мишу она терпела, конечно, как же по-другому? Но и знала, что на все пойдет Мишка, коли что не по его будет.

Бить – бил Василису много раз. Смирилась она с гаданьем и решила, что никуда от судьбы не уйдешь.

– Терпи, милая, стерпится – слюбится, – уговаривала ее тетка, единственный родной ей человек.

– Как же так, тетя? – плача от безысходности, спрашивала она накануне свадьбы.

– Вот так, доченька, – только и отвечала она, нарочито горько вздыхая. Наговорила Василисе о каких-то деньгах, якобы занятых у Мишкиного отца. Короче, так и подталкивала девушку саму принять решение. И Василиса, будучи человеком святой наивности и простоты, в знак благодарности, что помогали Петровы тетке, выскочила замуж.

Рано Василиса лишилась родителей, потому сиротку и взяла к себе тетка. Полячка эта была бабой хитрой и расчетливой. У самой дочь на выданье, и Василису держать рядом со своей она не хотела. Вдруг женихов выгодных уведет?! Ведь и красива, и хозяйка хорошая... Вот и отправила с Мишкой куда подальше, с глаз долой.

Вся прошлая нерадостная жизнь предстала перед глазами Василисы, когда она лежала на огромной и чистой кровати в убранной и приятно пахнущей травами комнате Филиппа.

«Интересно, сколько девок перебивало у него в постели?» – некстати задала она себе вопрос, и тут, словно в наказание за нелепые мысли, почувствовала такую сильную боль внизу живота, что закричала:

– Мама!!! Мамочка! Господи! Филипп, сделай же что-нибудь!

Филипп обернулся. В дрожащей руке он держал шприц. Капли пота скатывались по носу и падали на пол. Он подошел к ней и стал успокаивать. Голос его дрожал. Он не знал, куда деть глаза.

«Почему деду так легко удавалось справляться с этим?!» – спрашивал он себя. Он вспоминал деда в такие трудные моменты. Тот без всякого страха принимался за дело, успокаивая больных своим тихим голосом и твердой верой в успешный исход. Он же никак не мог сосредоточиться. Женщина с мольбой смотрела на растерянного Филиппа.

«У него это ведь впервые! Надо бы поддержать, чтобы он совсем не растерялся, да и самой станет легче!»

– Филипп, ты не переживай! Я постараюсь тебе помочь. У..., ай! У меня... это первый, но... послу... Господи! Началось!

Она тяжело задышала. Филипп склонился над роженицей и стал ее успокаивать, потом быстренько влил ей в рот опиумной микстуры, облегчающей болезненные ощущения, и принялся за дело.

Роды были тяжелыми. Василиса постоянно задыхалась, и Филиппу приходилось несколько раз заливать ей в рот микстуру. Она не билась, не вертелась и не стонала, а просто дышала со временем все тише и спокойнее.

Он принял на руки орущего младенца и широко открытыми глазами смотрел на розовый комочек. Быстро проверил пуповину, оглядел его еще раз и взглянул на мать.

Та лежала, уронив голову набок. Филипп повернул ее... и отшатнулся! Из рта Василисы обильно стекала пена, артерия на шее не пульсировала. Он открыл Василисе глаза. Зрачки не реагировали на свет. Он понял, что она умерла, но не хотел в это верить. Он делал искусственное дыхание, смачивал лоб нашатырем и совершенно забыл о ребенке, которым к тому моменту занялся Олег.

Наконец, Филипп прикрыл одеялом до самого подбородка тело Василисы, которое вытянулось и успокоилось, будто отдыхая от недавних судорог и боли. Лицо его приняло то самое безмятежное выражение. Филипп вытер пот со лба и тут только обратил внимание на пузырек с микстурой, которую давал роженице.

– Боже! Это же отвар для операции! – он ударил себя по лбу, вспомнив, что сам только недавно сделал его для старика Потапа Кривощекова.

Потом он вспомнил о дедовых книгах и кинулся к одной, где были записи обо всех жителях хутора. Своего рода местная картотека больных. Кому сколько лет, кто рожал, кто что ломал, кому можно то или иное лекарство или отвар, а кому запрещено...

Там он и вычитал, что Василисе совершенно запрещены отвары и настойки, содержащие опий, избыток которого находился в пузырьке. Дед передал внуку огромное, бесценное наследство! Он надеялся, что Филипп сможет правильно им распорядиться, и потому вел свои записи, чтобы внуку было легче ориентироваться. А он? Только из-за своей несерьезности он допустил эту непростительную ошибку.

– Господи, что делать? Как объяснить Мишке? – задавал сам себе вопросы Филипп, сидя над мертвой женщиной.

– Филипп, – в комнату заглянул Олег и тихо его позвал. Он обернулся. Олег понял, что случилось страшное, непоправимое. А Филипп потерял сознание. Сначала правда он ощутил боль. Сильнейшую. Она шла от руки и ударила в голову. Потом стрелой вернулась обратно. И показалось Филиппу, что все мыслимые страдания ожили в его теле и одновременно вцепились ему в руку, на которой было дедово кольцо. Он случайно глянул на камень, уже лежа на полу и теряя сознание. То что он увидел, окончательно бросило его в беспамятство...

– Я все сделал, как положено! – оправдывался он, когда Павел разнял остервенелого Мишку и Филиппа, дерущихся в доме Игнатия.

– Ты изверг! Ты убил ее! – орал Мишка, вытирая непрошеные слезы.

Через неделю, похоронив Василису, Мишка с маленьким ребенком навсегда покинул Ближний. На могиле жены он поклялся отомстить Филиппу.

Глава 3

– Совсем ты стал дурной, – выговаривала Глаша племяннику.

Филипп только пьяно улыбнулся и, шатаясь, прошел мимо нее.

– Господи, за что такое наказание? – плакала Глаша, жалуясь Господу Богу на судьбу. – Что Ты еще требуешь от нашей семьи? Филипп – и тот из молодого лекаря превращается в молодого пьяницу! Неужель Тебе это в милость? – она, плача, беспомощно осела на пол перед святыми образами.

Только не действовали на Филиппа теткинны молитвы. После смерти Василисы чувство вины ни на минуту не оставляло его, постоянно возвращаясь в кошмарных снах. Он стал пить безудержно, отмахивался от больных, которые теперь вынуждены были искать спасения в соседней деревне, находившейся в двадцати верстах от Ближнего.

Так продолжалось уже полгода.

* * *

А вчера ему приснился дед.

«Плох тот человек, который себя мнит никуда не годным изгоем! Исправиться никогда не поздно, даже перед смертью», – единственные слова, которые запомнил Филипп.

Утром он пошел в запущенную хижину Игнатия. После истории с Василисой жил он у Глаши, так как Павел с Глашей боялись, что вернется Мишка и подожжет хижину. Он с тоской посмотрел на пыль, мохнатым слоем застилавшую пол, паутину, занавесями свисавшую в углах, и тотчас позвал Ольгу:

– Ольга, помоги мне навести здесь порядок, я один не справлюсь. Поможешь?

Ольга с радостью взялась за дело, чувствуя, что братец приходит наконец в себя.

Еще полгода Филипп корпел над дедовскими книгами. Готовил микстуры, собирал травы, изучал записи о людях. Весть об этом разошлась по маленькой деревеньке быстро, и сельчане, забыв о смерти Василисы, порадовались и за него, и за себя, что не придется при всяком мало-мальском недуге снаряжаться в дальнюю поездку.

– Вся деревня теперь только на тебя и надеется, – говорила Глаша, – несподручно за двадцать верст мыкаться, да и верят они тебе, как деду покойному.

– Бешеным собакам семь верст не крюк, – зло ответил Филипп; он еще помнил обиду, когда люди откровенно плевали в его сторону и чуть было не убили за смерть Василисы.

– Не говори так! Не все ж тебе враги! – убеждала его Глаша.

Филипп вздохнул. Все он понимал и помнил, как дед однажды помог старику Федору. Федор этот хитростью и обманом отнял у Игнатия справную избу, но все равно не держал зла и обиды дед. Всех лечил и говаривал:

– Они для меня перво-наперво больные и слабые люди. Когда они приходят ко мне, я для них Бог и царь, а они простые смертные. Вот в чем наша сила, внук, но ею мы должны в меру пользоваться, иначе до беды недалече...

Вечером к Филиппу пришел его постоянный и неизменный друг Кирилл Парфенов и с круглыми от удивления глазами рассказал о катастрофе в Северной Атлантике.

– Представляешь, Филипп, такой огромный корабль, кажется, «Титаник», затонул в холодном море! На нем столько народу! Все газеты об этом только и пишут. Мне крестный из Москвы привез, на вот, прочитай! – протянул он другу небольшую желтенькую газетенку, на первых страницах которой был изображен гигантский, с двумя тысячами пассажиров на борту роскошно отделанный теплоход, затонувший в этом апреле.

Филипп прочитал статью и задумался над судьбами незнакомых ему людей. Читая об этом страшном происшествии, он очень сожалел о случившемся, и внезапно осознал и свою значимость в жизни окружающих его людей.

«Если Бог есть, так почему же он допустил такое?» – спросил он сам себя, и тут же понял, что знает ответ, но просто не хочет его принимать.

Именно эта далекая и чужая трагедия закрепила его решение остаться на хуторе и продолжить дело деда Игнатия. «Если я могу помочь людям, я не должен от этого уходить! Хочется мне того или нет! Это мой долг!» Только в продолжении дедова дела он ощутил свое спасение и понял, что, помогая страждущим, он вернет себе былую славу и не запятнает память Игнатия.

И в начале лета он принял у себя первого страдальца. Молодой парень, Парфенов Максим, старший брат Кирилла, сильно покалечил себе руку, а пока до деревни дошел, истек кровью, отчего и потерял сознание. Нашли его только к вечеру.

– Спаси! – грохнулась в ноги мать Максима, – умоляю, вызволи из беды! Ничего не пожалею! – она стала вытаскивать из-за пазухи деньги и совать в руки Филиппа. Тот вернул их обратно.

– Сделаю, что смогу! – сказал он и велел всем покинуть дом. Три часа он зашивал руку Максима, от плеча до кисти распоротую острым сучком упавшего дерева, обработал рану и, напоив родниковой водой с сахаром и травами, оставил парня у себя. Еще через час заметил, что у него порозовели щеки и поднялась температура.

– Тело борется с заразой, – сказал он Ольге, незаметно появившейся в доме, – ничего, через полдня пройдет! Будет как новенький. – Он и не заметил, что

место Олега заняла Ольга.

И вправду, пока он обедал у Глаши, а потом дошел до малыша, разбившего в тот день себе лоб, Максим пришел в себя и попросил у Ольги пить.

- Тихо, тихо! Ты уж помалкивай, сейчас Филипп придет и сам все сделает! - Ольга накрыла Максима одеялом. Как приятно было осознавать, что ее любимый сейчас находится под одной крышей с нею и даже немного от нее зависит.

- Ольга, - тихо позвал Максим, - Оль, долго я так?

Она лишь нежно улыбнулась. Максим подумал, что давно уже они друг другу нравятся, а слов найти не хватает разума.

- Под моей опекой ты уж час, а Филипп за тобой целый день ходит, - ответила она.

- Чем же отблагодарить тебя? - спросил Максим, даря девушке улыбку.

Она подвинулась ближе и, закусив губки, задумалась над словами Максима. И не ожидала от больного такой прыти, когда он схватил ее за руку и потянул к себе.

- Я знаю, как мне сказать тебе спасибо! - и он крепко поцеловал девушку.

- Да! Вижу, тебе уж и на работу пора! - раздался сзади голос Филиппа. Он стоял и смотрел на целующихся. Ольга поспешно вскочила и опустила голову. Хотела выйти, в дверях стоял Филипп, и она осталась около постели больного.

Максим улыбнулся:

- Ты же бить больного не станешь? - с притворным страхом спросил он.

- Да что вас бить! Люди вы взрослые, только, чую, от Павла мне достанется, коли узнает он про такие дела в моем доме! - сказал Филипп к удивлению Ольги.

– Не успеет! Я отсюда сразу сватов пошлю к Ольге. Да, Оль? Согласна ты замуж за меня пойти? – он посмотрел на покрасневшую девушку.

– Никуда она не денется! – смеясь, ответил за нее Филипп. – А то я не видел, как она ухаживала за тобой... Ну, Оля, ежели не согласишься, знай, Максима отсюда я не выпущу! – он пригрозил пальцем обоим и вышел.

Вечером Максим с помощью матери и младшего брата Кирилла покинул дом Филиппа, горячо поблагодарив за лечение и уход.

– Ну, это не только моя заслуга, – ответил Филипп, обнимая сестру. Он заметил, с каким обожанием и благодарностью смотрели на Ольгу мать и братья Парфеновы.

«В добрую семью попадет сестренка!», – с облегчением подумал Филипп.

И началась у Филиппа новая жизнь. Бурная, беспокойная. Столько забот сразу свалилось на него. Деревня расширялась, людей становилось все больше. Морозы, пожары, наводнения – люди всегда болеют.

Однажды к нему привезли богатого купца из Екатеринбургской губернии Емельяна Сварова. Он поранил ногу, а так как в его деревне из знахарей жила только одна повитуха, он и обратился к ней за помощью. Увы, бабка ничем ему не помогла.

– Чем, проклятая, лечила – не говорит, но результат ты видишь, – жаловался Емельян. – Мил человек, стар я стал и не хотелось бы у бабы своей старой обузой быть! Не отыми ногу, вылечи! Наслышан я о твоей силе!

– Сделаю, что смогу, – только и ответил Филипп. Дело было серьезное. Емельян, хотя нога и болела немилосердно, пытался ходить, и потому еще сильнее разбередил опасную рану. Заражение крови, возможно, уже началось, и спасти его в этом случае могла только ампутация – вот что оставалось ему, чтобы выжить.

– Старуха говорит, резать надо, в Новгород, в больницу ехать, – чуть ли не плача, говорил Емельян, пока Филипп осматривал ногу. – Не боюсь я ничего,

только вот без ноги... это ж как?

– Я же сказал, сделаю что смогу. Без ноги не останешься, не бойсь, – уже увереннее ответил Филипп.

К тому времени у Филиппа нашлись ученики и помощники. Это был Олег – двоюродный брат и еще один молодой парень, Алексей Козлов. Они с жадностью окунулись в науку и старались ничего не упустить в рассказах и действиях Филиппа.

Месяц пробыл Емельян у Филиппа, и к лету уже на своих ногах уехал домой, щедро отблагодарив парня.

Филипп стал незаменимым в деревне. Его ценили, уважали, боготворили. В скором времени он познакомился с Пестиковым Николаем Алексеевичем, молодым студентом-медиком из Новгорода, который приезжал к родственникам в Ближний, и тот, подружившись с лекарем-самоучкой, стал помогать ему, присылая полезные книги, чертежи инструментов для операций, рецепты. И постоянно звал к себе в гости, заявляя, что считает его своим лучшим другом. Филипп лишь недоуменно пожимал плечами.

Глава 4

День выдался тяжелый. Прохор Кузьмичев обронил на себя бадью с кипящей смолой. Благо, что большая часть вылилась на землю.

Два пацана-отрока подрались и сломали друг другу ребра, а один голову расшиб. Баба Ульяна грибов объелась.

– Да что с вами сегодня? – устало, но сохраняя добродушную улыбку, спрашивал Филипп. Люди только пожимали плечами.

За полночь Филипп возвращался домой, когда заметил на дороге двух всадников.

– Ты Филипп Одинцов? – спросил один из них.

– Да, – ответил он усталым голосом, – заболел кто? – привычно спросил он, повернувшись к всадникам.

– Ага, ты! – ответил другой и выстрелил ему прямо в грудь. Всадники ускакали, взметая за собой клубы летней пыли.

Выстрел услышал Алексей, ученик Филиппа, и поспешил посмотреть, что произошло. Наутро уже вся деревня знала о постигшей всех беде.

– Изверги! Ироды! Гореть вам в аду синим пламенем! – причитала Глаша, влетев в дом племянника, где Алексей и Олег склонились над почти бездыханным телом учителя.

Ольга рыдала так сильно, что лицо ее покрылось пятнами. Павел ходил вокруг того места, где стреляли в Филиппа, и высматривал с Максимом Парфеновым следы преступников. Они вели в лес и терялись там. Вся деревня собралась на поиски убийц. Женщины караулили двери Филипповой избы в надежде, что кто-то из учеников выйдет с ободряющими вестями.

Но даже на второй день Алексей с Олегом не могли сказать ничего обнадеживающего.

Крики Глашки потихоньку затихли, слышался только ее тихий и протяжный вой. Она сидела на крыльце и утирала глаза платком. С ней сидела и Ольга в те редкие минуты отдыха, когда Олег или Алексей дежурили у постели Филиппа.

* * *

«Господи, что же же это? – думал Филипп, – когда же я наконец проснусь? И почему все так болит?» Ответить на свои вопросы он не успевал и проваливался в забытие.

...Вот он маленький. Гуляет с дедом по лесу. Игнат собирает травы и объясняет их значение. Филипп не слушает его и проваливается в глубокую яму. Там тела людей. Филипп начинает строить из них лестницу, чтобы выбраться из ямы, и

обнаруживает мертвую девушку. Это Василиса. Ее тело он не решается использовать и откладывает в сторону. А наверху стоит дед и качает головой. Наконец Филипп вылезает из ямы и слышит откуда-то издалека суровые слова деда:

«Однажды человек, бывший в прошлом художником, бросил свое ремесло и занялся лекарством. Когда его спросили о причине, он, ни на миг не задумываясь, ответил:

– Ошибки, допущенные при рисовании, все видят и все критикуют, ошибки же, допущенные врачом, скрывает земля».

И дед опять посмотрел в яму, откуда только что вылез внук. На самом верху лежала Василиса. Филипп знал, что не трогал ее тело, но по всему было видно, что и оно стало «ступенькой», благодаря которой он выбрался из ямы.

Он проснулся. Горячее солнце светило в окно. Филипп увидел прикорнувшего на стуле Олега и стоявшего у стола Алексея, он смешивал траву папоротника и корень женьшеня с белым порошком. Память быстро вернулась к Филиппу. Он вспомнил приключившуюся беду, и тут же его мозг переключился на работу.

– На слабой водке настой выдержи, – тихо сказал Филипп. Алексей обернулся.

– Х-хорошо, – заикаясь, ответил он, и принялся делать так, как велел ему Филипп.

Олег открыл глаза и, увидев, что Филипп смотрит вполне здоровым взглядом, выскочил из дома.

– Очнулся! – заорал он. – Филипп очнулся! – Ольга и Глаша быстро поднялись и вбежали в комнату Филиппа. Тот что-то тихо диктовал Алексею.

– Господи! – шепотом сказал Глаша и упала у иконы, неистово молясь и осеняя всех крестным знаменем.

Ольга взяла руку брата и крепко сжала:

– Мы здесь с тобой, молимся! Ты поскорей выздоравливай, братка!

Он улыбнулся.

– Они хорошо поработали, – сказал тихим голосом Филипп, показывая рукой на Алексея и Олега.

– Порода, – ответила Ольга.

Выздоровление Филиппа продвигалось быстро и успешно. Он сам руководил своим лечением. Для Алексея и Олега это было настоящим испытанием. Только об одном сожалели парни – не Филиппа они хотели видеть своим первым пациентом. Но судьба распорядилась именно так. Может, оно и к лучшему...

Емельян, прослышав о беде, приехал и привез много разных заморских порошков, которые очень помогли Филиппу и в болезни, и в дальнейшей работе.

Емельян коротал долгие августовские дни и ночи у постели больного и понял, что очень привязался к парню. Вскоре приехала его жена Прана и одобрила намерение Емельяна, которое он вынашивал еще с тех пор, как был у Филиппа пациентом...

Они поговорили с Филиппом и уехали. Никогда не забудет парень их. Искреннего, доброго и потому еще более дорогого.

В скором времени, не покидая постели, он уже помогал больным, осматривал в особо сложных случаях. Больше времени старался отводить обучению Алексея и Олега.

– Ты, прежде чем рану обматывать, проверь, нет ли там заразы какой. Нитка, заноза, пылинка – все это может вызвать повторное воспаление и принести еще больше вреда! – наставлял он Алексея.

– А ты не переборщи с серой. Сыпать ее надо точно по весу! А то человек и от чирьев не излечится, да еще поносом изойдет! – говорил он Олегу.

Когда Филипп начал ходить потихоньку, Глаша решилась задать ему вопрос, так давно мучивший всех.

– Ты, Филипп, не томи. Скажи по совести, видел тех лихоимцев? Ведь вся недолга – поймать и вздернуть! Городовой приходил, мы его отослали, сказав, что не помнишь ты ничего.

– Правильно сделали, – ответил грустно Филипп, – я и вправду ничего не помню. Все, баста!

Павел настаивал:

– Коли Мишка это – я сам его придушу!

– Не Мишка, – с трудом подавляя гнев, ответил Филипп, – он давно в нашей стороне не обитается!

Только зря врал он себе и родным. Все и так знали, что Мишкиных это рук дело. И Олег поклялся после выздоровления Филиппа найти его и самолично открутить башку.

– Поди сюда, – Филипп кивнул Олегу. Понял, что недоброе задумывает отрок, и решил, куда молод он, поучить его. – Добром тебя прошу – выброси из головы дурные мысли про Мишку. Мал ты еще людей судить и прав не имеешь наказывать! Понятно?

– Да, – отведя взгляд, ответил Олег.

– Тогда ступай. Устал я, – он откинулся на подушки и, прикрыв глаза, начал мучительно думать над словами деда, сказанными во сне.

«Неужели только жизнями чужих людей мои родные строили свою судьбу?! И мне такое предстоит, что ли? Нет, этого надо избегать. Не хочу я по трупам идти!» Он уснул.

...Осень. Мешки золота и меди высыпали на улицы пожелтевшие деревья и кусты. Озабоченные птицы собирались в стаи, без конца устраивая переключку

сородичей. Люди готовились к длительной и холодной зиме.

Максим Парфенов и Ольга объявили о свадьбе. Еще после выздоровления, как и задумывал Максим, они хотели пожениться, но внезапная беда с Филиппом заставила их повременить. Теперь же сам Филипп, да и предстоящая холодная зима поторапливали молодых.

– Глаша, все к свадьбе-то готово? – спросил Филипп, листая книгу.

– Да уж почти. Тебе благодаря приданое собрали – как у царицы, – ответила она, накрывая на стол.

– Ну, для царицы еще и хоромы нужны, – добавил он и осторожно поднялся. Глаша хотела было помочь, но он отстранил ее.

– Я сам должен. Сам, – он сел на лавку и отдышался, – это наказание мне за Василису, – неожиданно для себя сказал он. Как будто кто-то чужой произнес эти слова.

– Не говори глупостей! – возразила вошедшая и услышавшая слова Филиппа Ольга. – Если так судить, уже ни одного врача не было б в живых!

– Все равно всем воздается! Кому по заслугам, а кому по грехам! – ответил он.

Сели обедать. Павел говорил о будущей свадьбе:

– Пока тепло на улице, надо бы шатер поставить. Народу-то – вся деревня.

– Да, я тоже так думаю, – согласился Филипп.

Глава 5

На свадьбу съехались многочисленные родственники из Новгорода и соседних деревень. Филипп не успевал запоминать имен и родственных связей. Голова

кружилась от обилия народа. Дети, старики, молодежь – кого только не было!

– Откуда все эти люди? – изумлялся он.

– Это наши родственники, Филипп, – иронично заметила Ольга.

На время он переселился к Алексею, а свой дом отдал гостям. У Алексея от покойных родителей остался небольшой, уютный домик, который очень понравился Филиппу.

– А ты оставайся здесь насовсем! – предложил Алексей и затаил дыхание в надежде, что Филипп согласится.

– Посмотрим. Если после свадьбы Ольги я не увижу свою хижину в добром состоянии, наверное, приму твое предложение, – ответил он, а потом, повернувшись, пригрозил, – только смотри у меня!

Перед самым венчанием Филипп решился поговорить с Ольгой. Задумка эта уже давно вертелась у него в голове, да не было удобного случая ее высказать. Теперь же самый момент.

В доме все было кувырком. словно пчелиный рой, носились люди из одной комнаты в другую, с улицы в дом и обратно. Дети, собаки, пьяные, трезвые, озабоченные и веселые – кого только не было. Филипп физически чувствовал возрастающее напряжение и пытался быстрее уйти. Иначе ему не миновать участия в этой суматохе, чего он не желал.

Он с трудом отыскал комнату, где находилась Ольга, и постучал.

– Войдите, – прозвучал незнакомый девичий голос. Он вошел. Ольга в подвенечном платье, словно спустившийся с небес ангел, стояла перед ним, а какая-то незнакомка рядом приглаживала себе волосы.

Он остановился на пороге, не в силах отвести глаз. Ольга улыбалась все той же прекрасной своей улыбкой, но нервное напряжение сказывалось и на ней, оттого она казалась беззащитной и почти нереальной. Случись сейчас что-то ужасное, – и она испарится, исчезнет, так как этот мир не для нее.

– Боже! Да ты просто... – он не договорил и обнял сестру. И вдруг встретился взглядом с очаровательной девушкой, быстро опустившей ресницы, которые спрятали ее темно-зеленые глаза.

– Тебе нравится? Правда? – спросила Ольга, вертясь перед зеркалом. Филипп был под двойным впечатлением.

– Ну... конечно! Если б ты не была моей сестрой... – он покачал головой и посмотрел на незнакомку.

– Ах, да! – спохватилась Ольга, – Филипп, познакомься, это Диана Половцева, родственница мужа нашей двоюродной тети Маши Кречет.

– О, как это длинно и сложно! Пусть вы будете просто Дианой? – спросил Филипп. Девушка улыбнулась и смело вышла из-за спины Ольги.

– Пусть. Я согласна, – она протянула свою изящную маленькую ручку, и Филипп нежно коснулся ее своими губами.

– Да, теперь мне действительно кажется, что свадьба – это настоящее таинство, загадка, – сказал он.

Они недолго поговорили о прибывших родственниках, и Диана, извинившись, вышла.

– Думаю, мне тоже надо привести себя в порядок. Не к лицу родственнице невесты выглядеть как огородное чучело, – сказала она.

– Вы делаете незаслуженный комплимент чучелу, – заметил Филипп.

Диана, смутившись, вышла. Филипп проводил ее взглядом до самых дверей.

– Вижу, мой братец окончательно поправился! – сказала Ольга, заметив, что он очень заинтересовался Дианой.

Он только улыбнулся в ответ и сел. Облегченно вздохнув, он еще раз посмотрел на сестру и убедился, что принял правильное решение.

– Да, Ольга, я вот с чем пришел, – быстро отвлекшись от Дианы, он достал бумаги. Ольга тревожно смотрела на Филиппа:

– Что это?

– Это купчая на дом. Я дарю тебе небольшой домик в Новгороде. Если вдруг захотите покинуть Ближний, у вас есть, где жить, – он посмотрел на Ольгу и испугался, увидев, что сестре сейчас сделается дурно.

– Ты чего? Тебе плохо? – обратился он к сестре, которая сидела и смотрела на него своими синими глазами, ничего не говоря.

Она перевела взгляд с бумаг на Филиппа и тихо произнесла:

– Я беру свои слова обратно. Ты еще немного нездоров! Филипп!!! – она бросилась на шею брата и заплакала.

– Да ладно тебе, – пытался успокоить ее Филипп.

– Если бы ты только знал, как мы хотим уехать отсюда. Ведь Максиму и должность предложили в Новгороде! А мы... мы даже, – она поцеловала Филиппа и обняла еще раз. Как раз вошла Глаша.

– Мама! – кинулась Ольга к Глаше.

– О нет! Еще одного взрыва восторга и благодарности мое слабое тело не вынесет! Я пошел, – он протиснулся между двумя изумленными женщинами и, легонько стукнув Ольгу пальцем по носу, вышел.

Уже в сенях он услышал радостный и громкий крик Глаши.

– Павел! Филипп! – дальше он уже не слушал. Он искал в толпе Диану, но, вспомнив, что девушка наряжается, пошел в летнюю кухню перекусить. Там он застал Олега с Алексеем, и они поели, запив вкусные пельмени крепким вином.

– Смотри, на улице еще жарко. Много не пей, разморит – и не заметишь! – посоветовал Филипп, похлопав брата по плечу.

В церкви и вокруг нее собралось множество народу. Даже погода, казалось, благословляла молодых. Филипп отыскал Диану, и они вместе вошли в церковь.

Никогда раньше Филипп не испытывал таких смешанных чувств в церкви, как в этот день. Аура святой свободы делала его невесомым, а тайна священного служения опускалась на плечи и опутывала его.

«Рядом со мной Диана, – размышлял Филипп, – сестра – счастье, которой расцветает, и остальные родственники. У всех этих людей, собравшихся в святом обителище, должны быть только чистые помыслы».

Незаметно для себя он нежно взял Диану под руку. Она лишь смущенно улыбнулась, но руки не отняла. Внезапно он ощутил чей-то пристальный взгляд. Он даже сумел определить, откуда на него смотрят. Выждал еще минутку, чтобы окончательно утвердиться в своем ощущении, и когда неприятное чувство не покинуло, а наоборот, возросло, повернулся.

Молодой незнакомый человек, слегка бледный, несмотря на жару, в упор смотрел на него: черные брови насупленно собрались у переносицы, взгляд зеленых глаз пробирал до костей, но Филипп легко его принял. Сражение двух пар глаз хотя и не выбивало искры, но оказалось настолько сильным, что рядом стоящие люди стали оборачиваться.

– Что случилось? – шепотом спросила Диана у Филиппа. Он отвел взгляд после того, как незнакомец вышел, и ответил:

– Ничего страшного, я просто... мне показалось, – Филипп крепче сжал ладонь девушки и прижал ее к груди.

– Тише! Успокойтесь, – шикнула Глаша.

Молодая пара приблизилась к алтарю и священный обряд продолжился.

* * *

Два дня справляли свадьбу Максима Парфенова и Ольги Полоз. Сколько было выпито вина и хмельного меду – уже никто не сможет сказать. Но даже в эти дни люди умудрялись пораниться, переест и мучиться коликами, разбить по пьяному делу себе голову или упасть с лошади.

– Сходи к Варфоломею, – попросил Олег, – у него глаза закатились и не дышит вовсе. Я не знаю, что с ним.

Филипп устало вздохнул и, собрав свой сундучок, пошел к дому Варфоломея. Странно, что никто не встретил его у порога.

– Полотенце! Быстро! – услышал Филипп незнакомый голос.

Он вошел и увидел того самого незнакомца, с которым встретился в церкви. Этот зеленоглазый красавец склонился над Варфоломеем, который уже приходил в себя, и вливал в рот какой-то отвар.

Тут Филиппа заметила сноха больного и быстро подошла.

– Ох! Филипп, прямо и не знали, что делать, а тут как раз заезжий молодец рядом оказался. Мы сначала подумали, что это ты, а... Он тоже врач, из города только. Вы уж вместе как-нибудь посмотрите, – она теребила платочек и утирала сухие глаза.

Незнакомец поднял голову и встретился с пронизательным и ревнивым взглядом Филиппа.

«Странно, но он и вправду на меня похож», – сказал сам себе Филипп и протянул руку.

– Филипп Одинцов, местный лекарь, – представился он. Незнакомец ухмыльнулся и не торопился протянуть руку. Одной он держал голову Варфоломея, а другую тщательно и медленно вытирал о маленькое полотенце. Эта медлительность показалась Филиппу наигранной, и он отдернул руку как раз в тот момент, когда незнакомец протянул свою.

– Дмитрий Богун, врач.

Теперь Филипп смотрел на него с чувством победителя.

«Какая-то мелкая и подлая, но победа!»

– Думаю, что делать мне тут нечего, – сказал Филипп и вышел из дома. Он не помнил даже, как дошел до дома, мучимый терзаниями и ревностью.

«Врач! Тоже мне, светило науки! Посмотрел бы я на него, когда мор в деревне или бабы рожают по две на день!» – чувство непонятной обиды на себя, на Дмитрия Богуна, на Варфоломея, на деда Игната неожиданно обрушилось на Филиппа.

Не раздеваясь и не поужинав, он лег спать. Когда он уже засыпал, в комнату кто-то вошел.

– Филипп! – раздался тихий плачущий голосок соседки Алены Петровой, – у дочери жар не на шутку. Г-горит вся, ты бы посмотрел, – она залилась слезами.

– Там у Варфоломея врач остановился. Важный, городской! Идите к нему теперь, оставьте меня в покое! – он повернулся на другой бок.

Алена расплакалась и вышла. Минут десять от силы мог выдержать Филипп. Оделся, и как только в руках оказался дедовский сундучок, он ощутил себя уже другим человеком, и пока дошел до соседнего крыльца, обругал сам себя последними словами.

Алена сидела над кроватью малышки и прикладывала на лоб смоченную в уксусной воде тряпку. Она успокаивала девочку, а слезы падали и падали на одеяло.

– Иди, воды мне нагрей, – приказал Филипп и подошел к девочке. Алена миглом вылетела на кухню, оставив Филиппа с дочерью.

– Ну, как ты, малышка? – ласково спросил Филипп. – Настя, ты не переживай. Скоро ты встанешь, и мы пойдем в лес собирать ландыши. Помнишь?

Настя открыла глаза и улыбнулась. Филипп поднял девочку на руки и переложил на большую кровать. Вздохнул и принялся за дело. Привычными движениями умело и легко осмотрел ее и достал из своего сундучка порошки и мази.

Через два дня Настя пришла и принесла Филиппу огромное яблоко. Скромно опустив глаза, она протянула подарок и сказала:

- Шпасибо.

Филипп улыбался. Золотые кудри девочки опять заблестели, как и раньше, когда он вместе с детьми ходил в лес и постоянно любовался ее волосами, сквозь которые солнце продевало свои лучистые нити и делало головку Насти сияющим шаром.

- Смотри, больше не болей, Одуванчик, - сказал он ей и погладил по голове.

Глава 6

После визита Насти-Одуванчика к нему пришли Ольга с Максимом и Диана.

- О! Вот и гости дорогие! - встретил родственников Филипп.

- Мы поблагодарить тебя пришли, - смущенно сказал Максим.

- Обижаете брата, - ответил Филипп, усаживая их на диван.

Диана оглядывала чисто прибранное жилище Филиппа и находила, что оно вполне уютное. На стенах висели картины, на многочисленных полках красовались новые книги и старые, огромные медицинские справочники, присланные еще Пестиковым.

Пока Ольга с Дианой собирали на стол, Максим не находил слов, чтобы выразить свою благодарность и признательность за подарок.

– Да перестань ты, ей-богу! Меня одно только интересует – если в Новгороде окажусь, пустите переночевать? – смеясь, спросил Филипп.

– Ни за что... не откажу! – ответила вместо Максима Ольга, вошедшая в тот момент в комнату.

После обеда молодые люди решили немного прогуляться в соседней березовой рощице. Уже издали она манила к себе. Золотые листья благодатно шелестели, и мягкая трава под ногами так и просила прилечь.

– Красивые у вас места, навсегда бы здесь осталась, – сказала Диана Филиппу.

– Что же вас гонит? Или кто? – спросил Филипп.

Она не ответила, а поспешила на зов Ольги, которая нашла огромный гриб.

– Максим, скажи, кто такой Дмитрий Богун?

– Насколько я знаю, это... – он оглянулся, понял, что девушки не услышат их, – по-моему, он жених Дианы.

Филипп отвернулся. Он еще тогда понял свои чувства и догадывался, что не просто так возненавидел Дмитрия.

– Она его не любит, – добавил Максим, угадав чувства Филиппа и стараясь облегчить его боль.

– Откуда тебе известно? – спросил Филипп.

– Ольга рассказала. Они подружились, и Диана поведала ей. Кстати, вот что самое интересное, – Диана рассказала это после того, как познакомилась с тобой. На нашей свадьбе мы нарочно следили за Дмитрием и Дианой и, по-моему, они даже и не общались.

– А кто его пригласил? – спросил Филипп. Максим задумался на минутку, а потом ответил неуверенно:

– Это сложный вопрос.

Тут подошли девушки и предложили набрать грибов, которых в лесу оказалось великое множество. Мужчины согласились. Домой они вернулись уже перед заходом солнца. На улице развели костер и принялись жарить грибы.

Шумно, весело и дружно прошел вечер, и наступила ночь. Максим с Ольгой решили пораньше лечь спать. На завтра им предстояли долгие сборы, а потом утомительная, но долгожданная дорога в Новгород.

Филипп и Диана остались одни. Костер догорал, отбрасывая на лица сидящих красноватые отблески огня. Филипп смотрел на девушку, и казалось ему, что сидит перед ним богиня, сошедшая с небес.

– Ты очень красивая, – сказал Филипп.

Она посмотрела на него. Глаза, полные печали и благодарности, молили о чем-то.

– ...И очень одинокая, – ответила Диана и слезы покатались по ее щекам. Она не хотела рассказывать почти незнакомому человеку о своей несчастливой судьбе. Но поверила ему, как никому раньше, и растерялась от нахлынувших чувств.

– А как же Дмитрий Богун? Разве он не может скрасить твое одиночество, или же он виновник твоей печали?

– Год назад встретились мы с ним и полюбили друг друга. Большое расстояние, редкие встречи и постоянные признания, клятвы с каждым днем делали мою любовь сильнее, – Диана смотрела на огонь и, казалось, выплескивала из себя слова, тут же сгоравшие в костре. – Но полгода назад Дмитрий купил поместье рядом с нашим, чтобы мы могли чаще видеться и быть ближе друг к другу. Вот тогда я и узнала этого человека. Жестокий, злой, коварный. И это врач! Он совершенно не заботится о больных, относится к ним как к жалким существам, обреченным на смерть, хоть лечи их, хоть нет. Если бы ты только знал, как он отзывался об этих бедных детях, женщинах, стариках. Раньше у нас не было времени говорить об этом, а теперь мне чуть ли не каждый день приходится слушать его насмешливый голос, проклиная больных и воздающий им хвалу в одно и то же время! Я не понимаю его.

- Он и проклинает, и рад, что они есть? - спросил Филипп.

- Я это так понимаю, - ответила она грустно.

- Странный человек, - произнес Филипп.

- И его мне послала судьба в качестве будущего мужа.

- И скоро свадьба? - спросил Филипп, чувствуя, как проникается к Дмитрию еще большей ненавистью.

В ответ Диана расплакалась.

- Ты чего? - тихо спросил он, - перестань, слышишь? Завтра и так дождь пойдет, а ты еще сильнее землю мочишь!

- Я... он... Дмитрий... сказал, что приемная я, неродная матери своей и отцу. Они уже умерли, я под опекой у теток, а им я не нужна, им бы избавиться от меня. А кто я на самом деле? Я не знаю и теперь замуж не хочу, а он говорит, что если тетки узнают о моем отказе, они меня в монастырь отправят! - Она подняла голову и посмотрела на Филиппа.

- Ты не должна верить этому человеку! - сказал он.

- Это правда, но правда и то, что я еще несовершеннолетняя, и меня могут запереть в монастыре.

- Тебе замуж надо! - решительно сказал Филипп.

- Вот и Дмитрий о том же!

- Но ты за него не хочешь?

- Нет!

- Тогда выходи за меня!

Диана смотрела на Филиппа во все глаза. Она убрала со лба свисающие локоны и утерла щеки, все еще мокрые от слез.

- Ты шутишь?

- Нет, ни в коем случае.

- Если я выйду замуж, то унаследую все состояние приемных родителей. Так отец завещал, - сказала она сама, не зная зачем.

- Сделаю вид, что не знаю об этом, - он поднялся и протянул руку Диане, - ну, как ты? Решила?

- Я завтра тебе скажу, можно? - от неожиданности и нахлынувших чувств она нервно сжимала руки и старалась не смотреть на Филиппа.

Он же нежно взял ее за подборок и посмотрел в глаза. Немой вопрос застыл в его взгляде. Он прекрасно понимал ее состояние. Его было не лучшим. Но он не жалел о своем предложении.

* * *

А утром Диана решила поговорить с Дмитрием.

- Ты не можешь так поступить!!! - кричал на спокойную Диану Дмитрий Богун.

- Это еще почему? В завещании отца не сказано, чтобы я вышла за тебя замуж!

- Ты совершенно не знаешь этого человека! Ты не сможешь жить в этой глухомани! Подумай сама! Ладно, я согласен, не буду торопить тебя с замужеством, но и ты не выходи пока! - он мерял шагами маленькую гостиную дома, предоставленного ему на время свадьбы.

- Это мое дело! - детское упрямство сквозило в ее словах.

– Дура! – Дмитрий громко хлопнул дверью и вышел.

Он и вправду любил девушку. Он готов был смириться с любым ее безрассудным желанием, но никак не ожидал такого поворота событий. Его совершенно не интересовало наследство Дианы. Он готов был отказаться от него, но знал, что не сможет дать ей всего того, к чему она привыкла.

«Чем он задурманил ее голову? – негодовал Дмитрий. – Я не позволю ему перейти мне дорогу!»

Вечером Диана и Филипп опять встретились, и она дала согласие на брак.

– Я думаю, что мы будем жить хорошо, вот увидишь... А обстоятельствам можно только порадоваться, ведь благодаря им мы вместе.

– Я надеюсь, – тихо ответила Диана и отвела взгляд. Казалось, что она уже жалеет о своем скоропалительном решении.

Филипп угадал ее мысли и попытался успокоить девушку:

– Поверь, я бы все равно сделал тебе предложение, даже несмотря на обстоятельства.

Глава 7

А на другой день Диана Половцева пропала. Просто исчезла. Филипп сильно огорчился. По его мнению, она побоялась сказать ему о том, что передумала, и тайно уехала куда-то.

Из гостей, приехавших на свадьбу Ольги и Максима, уже никого не осталось, и потому все здраво рассудили, что девушка просто вернулась домой.

Дмитрий думал так же. Хотя сначала было другое.

- Куда ты спрятал ее? – тихо, но очень гневно спросил Дмитрий у только что проснувшегося Филиппа.

- Кого? Когда? – зевая и негодуя на визит такого гостя, спросил Филипп.

- Ты сам прекрасно знаешь, о ком я!

Филипп неторопливо поднялся, оделся и встал в дверях.

- Слушай, тебе не кажется, что ты загостился здесь? – опершись о косяк, спросил Филипп, игнорируя его вопросы.

- Куда ты дел Диану? – настойчиво спрашивал Дмитрий, сжимая кулаки.

Филипп сразу выпрямился и, окончательно проснувшись, сел на стул.

- Я не видел ее со вчерашнего вечера, – ответил он.

- Я прекрасно знаю, что большую половину вечера она провела с тобой, а потом исчезла! И что прикажешь думать?

- Мне все равно, что ты думаешь! Я знаю о твоём намерении жениться на Диане. Это как-то связано с наследством? Так и знай, как только я ее найду, она выйдет замуж за меня!

- Ни за что!

Ее искали два дня по всему селу и окрестностям. Филипп и Дмитрий смотрели друг на друга с ненавистью, но поверили все же, что вины друг друга нет в том, что Диана пропала.

- Чудная девка, – только и сказал Олег.

- Ты это о ком? – спросил Филипп.

- Да говорил я с Дианой как-то перед Ольгиной свадьбой.

- И о чем она тебе поведала? – тревожно спросил Филипп.

- Знаешь, все время про монастырь говорила, а замуж чуть ли не за двоих сразу собралась! – ответил Олег.

- Монастырь? Случаем не знаешь, какой? – спросил Филипп.

- Догадываюсь, только не ругайся, что сразу не сказал! В Новгород она собиралась.

Филипп схватился за голову.

- Обещай, что больше никому не скажешь! – глаза Филиппа заблестели.

- Раньше не сказал и теперь не скажу! Мне ее жалко, мучается девушка сама от своей судьбы непонятной, а тут еще вы! – Олег впервые заговорил со старшим братом в таком тоне.

- Может, она и тебе по сердцу пришлась? – вдруг спросил Филипп.

- Даже если так, я никогда не перейду тебе дорогу! – Олег поднялся и вышел из дома Алексея, где пока еще жил Филипп.

...Впервые Филипп уезжал из Ближнего на неопределенный срок и не знал, к чему приведет его поездка. Он поклялся найти Диану и спасти от Дмитрия. Дмитрий тоже уехал из хутора, но он не знал, где искать девушку, и потому решил сначала попытаться выяснить это у ее родственников.

Дорога привела Филиппа сначала в Москву, куда он так давно мечтал попасть, и он даже познакомился с человеком, сыгравшим важную роль в жизни императорской семьи.

В то время в стране происходили невидимые глазу, но столь ощутимые приготовления к войне. Император, больше занятый заботой о здоровье своего сына, царевича Алексея, не слишком вникал в советы придворных, а от предсказаний Распутина и вовсе отказался.

Вскоре появилось сообщение, что Распутин тяжело пострадал от руки какой-то сумасшедшей женщины, но уже приходит в себя. Он не мог быть с императорским двором, и потому его общение шло по телеграфу и почтой, и его послания изобиловали советами императрице и словами успокоения, когда царевич заболел. Родственники и приближенные императорской семьи как один советовали императору избавиться от этого «нечестивого монаха», так как, по их мнению, слишком уж велико его влияние на императорскую семью.

– Он колдун и, вероятно, завораживает императора, когда тот занимается делами государственной важности, – шептались за спиной придворные и родственники, с каждым днем все более ненавидя Распутина.

Но после его ночного визита к больному царевичу императрица Александра Федоровна стала его самой горячей заступницей. Она сочла, что он не мог сделать ничего дурного, в чем его обвиняли ненавистники; она ничего не желала слышать о его пьянках и непристойных кутежах.

Об этом и многом другом узнал Филипп по прошествии некоторого времени, проведенного в поисках Дианы. Несколько раз он пытался съездить к Распутину и высказать ему свою преданность и желание служить и учиться у него мастерству, но со временем понял, что насколько Распутин приближен к императорской семье, настолько же и ненавистен народу.

* * *

Диане удалось разыскать единственного человека, который, по ее мнению, мог что-то знать о ее родителях.

– Вы один знаете всю правду, – твердо глядя на дряхлеющего деда Макария, жившего когда-то при доме покойных родителей Дианы и служившего там конюхом, говорила девушка.

– Доченька, – прокрихтел Макарий, – допрежь, чем решиться прознать все, подумай, нужно ли это тебе? Принесет ли тебе сия правда облегчение и станет ли верным помощником в делах? – дед поглядел на Диану ласковыми выцветшими глазами.

– Я много думала. Все вокруг только и жаждут денег моих покойных родителей, а меня саму никто не любит! – она заплакала.

– А сделала ли ты что-нибудь, чтобы тебя любили? – спросил дед.

– А что я должна сделать?

– Полюбить сама, – ответил Макарий.

Диана задумалась. Потом спросила:

– А если я и полюблю, откуда я узнаю, что он меня любит и никогда не обманет?

Макарий засмеялся:

– Эх! Ты пойми одно. В жизни только одна правда – любящий человек. Нет, тот, кто по-настоящему любит и любим, обязан понять человека, к которому обращена его вера. Ты сама поймешь, главное – не обманывать себя!

– Значит, ты не скажешь мне правду?

– Тебе она сама раскроется, – ответил дед, провожая Диану.

Диана обернулась и произнесла напоследок:

– Я люблю человека, но не могу пока решиться на что-то серьезное, и потому хочу на время уйти от него и от этого мира, чтобы разобраться в себе.

– Если любовь действительно есть, он найдет тебя, и тогда ты сможешь решить для себя что-то. Только не затягивай с решением и действуй по зову сердца. Коли ты молода, поступай сердцем, а станешь взрослее, оно уступит место разуму, а пока разум твой в полной власти сердца, – посоветовал Макарий.

Диана нашла слова деда убедительными. Если Филипп найдет ее, значит, она сможет решиться на серьезный поступок, а пока она не чувствует в себе уверенности.

После смерти родителей она осталась совершенно одна, не считая опекунов. Им не нужна была такая обуза, тем более, что никакой материальной выгоды это им не несло. Диане вот-вот исполнится восемнадцать, и она станет единовластной хозяйкой большого состояния своего отца.

Чтобы как-то разобраться со своими чувствами и мыслями, она нашла игуменью Антонию, когда-то вхожую в их дом (покойная мачеха любила монахинь-богомолок, особенно начала привечать их после смерти отчима), а сейчас работающую в госпитале, и попросила принять ее на время.

– Антония, – говорила Диана, – ради памяти моих родителей и моего блага, прошу, не откажи мне, прими в свою обитель. Неразумна я еще и с миром совладать не смогу, – она опустила голову.

– Хорошо, я поговорю с настоятельницей, думаю она будет не против. А поработаешь со мной в госпитале... – Антония была женщиной сильной, волевой и немного жесткой, к Диане же она питала чувства нежные и добрые, но старалась их не показывать. Она видела, как нелегко сейчас этой молоденькой девушке, с таким огромным состоянием, но совершенно неподготовленной к жизни. И обрадовалась ее появлению по целому ряду причин.

– Еще, – Диана, опустив глаза, подошла к Антонии и, не зная, как начать разговор, тербила кружева платочка.

– ...Ты не хочешь, чтобы кто-то знал о твоём пребывании здесь?

– Да.

– Не переживай, здесь ты можешь быть спокойна. Ты должна о многом поразмыслить, тебе самое время пожить здесь, рядом со мной. Знай, ты всегда можешь на меня положиться, – глаза Антонии погрузнели, и Диана заметила в них искорку торжества.

– Спасибо вам, матушка.

Антония проводила ее в небольшую комнату, а сама пошла к настоятельнице. Дорогой она быстро оправилась от размягчивших ее душу чувств и стала той же

властной и сильной Антонией, которой и была все время.

– Девочка будет прилежно работать, зря хлеба не проест, – убедил Антония настоятельницу, и та согласилась. Лишние руки всегда были нужны.

«Правильно ли я поступила? – задавала себе вопрос Диана. – Может, надо было выйти замуж за Филиппа? А вдруг он окажется таким же, как и Дмитрий, или даже хуже?»

Неподготовленность к самостоятельной жизни, страх перед настоящим, незнание природы человеческих отношений, боязнь обмана, интриг, коварства – все это заставило девушку оставить Филиппа, которого она полюбила, и уехать к единственному надежному, по ее мнению, человеку – Антонии.

Глава 8

Прошел месяц. Филипп объездил все новгородские монастыри в поисках Дианы.

«Ведь она говорила Олегу о своей знакомой игуменье, значит, она должна быть в одном из монастырей!» – упрямо твердил Филипп сам себе.

...А другой жених Дианы тем временем готовился к сложной и неприятной встрече со своими учителями и наставниками.

– Ты не выполнил предназначенной тебе миссии! – раздался сухой и властный голос главы общества антигиппократов, доктора медицины Чернопятова Никаса Асмодеевича.

– Во время своего путешествия я не обнаружил подходящего человека, – ответил Дмитрий Богун.

– Это говорит только о твоей неподготовленности к участию в нашем обществе! Коллеги! – Никас поднялся и обвел взглядом сидящих в полутьме людей. – Я признаю свою ошибку, считаю, что поторопился с принятием Дмитрия Богуна в наши ряды, и приму любое наказание, какое вы сочтете нужным вынести мне!

Он взял острый и длинный нож и трижды полоснул им свою правую щеку, на которой немедленно выступили кровавые линии. То же сделал и Дмитрий Богун. Теперь их ранг понизился на одну ступень; они отныне не могли принимать участия в ежемесячных тайных собраниях своих соратников и лишались денежного содержания в течение всего времени, пока не исправят свою ошибку.

Собрание на этом закончилось.

– Тебе надо вернуться обратно и сделать то, что ты должен был сделать! – зло сказал Дмитрию Никас. – Не то у нас будут крупные неприятности. Уж ты должен понять, о чем я говорю!

– А если я не хочу возвращаться туда! – ответил Дмитрий, не глядя на наставника. Тот резко остановился и, грубо схватив Дмитрия за отвороты сюртука, властно произнес:

– Придется! Если ты помнишь седьмое правило, то должен знать, что, направившись за телом в одно место, ты не можешь его менять ни при каких обстоятельствах! Это закон, а именно благодаря закону рождается любая форма существования, – резко ответил Никас.

Дмитрий смотрел вслед удаляющемуся Никасу.

«Что же мне делать? Где найти больного и обреченного на смерть человека?» – спрашивал он сам себя и тут внезапно вспомнил.

«Точно! Вправду, у нашего общества есть свой бог!»

Он чуть ли не бегом направился в свою временную обитель и стал спешно собирать вещи...

* * *

Тайное общество антигиппократов родилось в XVI веке в Англии и быстро стало пополнять свои ряды молодыми и энергичными медиками. Председатель общества довольно удачно набирал последователей, обещая им невероятные

богатства и всемирную признательность.

Цель их деятельности была такова: они подыскивали людей, страдающих какими-либо неизлечимым недугом и сами вершили над ними суд, используя в дальнейшем их тела для исследования. Больной умирал на столе, во время операции, когда врачи удаляли тот или иной орган и наблюдали за мучениями пациента, записывая все подробно в своих книгах.

С их деятельностью не могли мириться ни власть, ни тем более церковь, и общество было запрещено и объявлено вне закона. Но ведь всем известно: то, что запрещено, произрастает и из камня, и из песка. Так и общество антигиппократов. Оно, подобно липкой невидимой паутине, распространялось по всему миру, заманивая в свои сети все больше и больше народу.

Никто не знал, сколько человек объединяет это общество, где находится центр, кто им руководит. Этим человеком мог оказаться кто угодно – и губернатор, и самый уважаемый врач.

При посвящении в члены общества молодые люди не находят ничего предосудительного в его деятельности, и потому удивляются праведному гневу властей и церкви по отношению к врачам, состоящим в нем.

Главы обществ, сначала в целях общей работы, просят молодых не распространяться об их существовании, а когда молодой человек начинает понимать, что это вовсе не фанатичное служение делу, а некое жестокое извращение, не знающее границ, безжалостное и лишенное гуманности, становится поздно. Им уже не вырваться из круга, ломающего их судьбы и делающего из них рабов, видящих перед собой только тела и деньги. Сострадание покидает их души.

* * *

Неделю Дмитрий Богун добирался до хутора Ближнего, терпел все неудобства этой поездки.

Ведь он знал, что в случае провала его самого ждет та же участь, что и обреченных.

– Я приехал заменить на время Филиппа Одинцова, – сказал он старосте хутора Степану Ярмакову. Тот лишь пожал плечами и определил Дмитрия на постой к Алексею Козлову, ученику Филиппа.

– Поживешь пока с ним, а там видно будет, – сказал он на прощание.

– А меня кто-нибудь спросил? – злой и раскрасневшийся Алексей смотрел в глаза Степану и ждал ответа.

– Ты, щенок, радуйся, что еще под крышей живешь! Скоро можешь и того лишиться! Иди прочь! – Степан уже сел обедать, когда к нему ворвался Алексей, а этого он не любил.

– Может, надо было хоть предупредить мальчишку, – вмешалась жена Степана Ольга, – он ведь с Филиппом работал, а теперь – мало, что Филиппа нет, так еще работать и жить придется с другим чело...

– Ты замолчишь или нет! – закричал Степан и ударил кулаком по столу. – Отыскалась, тоже мне, заступница! Что, небось, тоже скучаешь по молодому лекарю? Знаю я вас, баб, стервы!

– Ты чего мелешь-то? – Ольга подперла руками бедра и смотрела на мужа. – Совсем ополоумел?

Степан настолько резко встал из-за стола, что опрокинул миску со щами.

– А-а-а-а! – заорал он нечеловеческим голосом, держась за причинное место. – Сжег! Все себе сжег! А-а-о-ой! Все из-за тебя, – он выбежал на улицу и влез в дубовую кадку с дождевой водой.

Как только он выбежал, Ольга залилась веселым смехом. Она смеялась так громко, что ее слышал с улицы даже Степан.

– Чего ржешь теперь? Ага, обварила мужика, теперь, наверное, и рада, что калекой останусь! Но запомни! Я и тебе гулять не позволю!

Ревнив он был без меры, оттуда и беды все.

– Ой, ой, помолчи хоть немного, а то у меня живот сведет от коликов! – Ольга вышла на крыльцо и, увидев своего мужа в кадке, опять залилась смехом.

– Ты мне объясни, чего смешного-то? – взорвался Степан.

– Я... я щи эти час назад разогрела, а пока ты с новым лекарем проштался, они уж и поостыли! Так что рано ты... в кадку-то... – она опять закатилась смехом и вошла в дом. На улице уже начали собираться соседки и с недоумением глядеть на старосту, сидящего в кадке.

– Ой! Сосед, никак стареть не хочешь! Решил себя для молодой жены засолить, – звонкий голос соседки Розы был слышен по всей улице. Раздался дружный смех.

– А может, и меня рядом посадишь? Кто знает, может и помолодею, а? – издевалась над ним старушка Боброва.

Степан не знал, куда деться от пронырливых баб.

– Нет, бабоньки, это он метод от мужского бессилия отыскал! Ведь все же знают, как он Ольгу любит и боится, как бы она к другому мужику не убегла! – раздался голос самой вредной и злословной Агафьи Топорковой.

– А вот это уже лишнее, Агаша, – спокойно, но твердо возразила Ольга, услышавшая ее слова и вышедшая на крыльцо.

Бабы быстренько разошлись. Ольга повернулась к мужу, улыбнулась, подошла и помогла вылезти из кадки.

– Да-а-а, – протянул он, – насмешил я сегодня народ. Сейчас переоденусь и схожу к лекарю нашему, заодно и посмотрю, как он устроился, и лекарь ли по-настоящему.

– Иди.

* * *

Филипп устало брел вдоль высокой белой стены маленького монастыря, примыкавшего к госпиталю. Ворота были закрыты, и из-за них слышались собачий лай и тихие женские голоса. Солнце уже клонилось к закату, и Филиппу нужен был ночлег. Он надеялся, что его пустят переночевать, и постучал в ворота деревянным молоточком, висевшим на косяке.

- Пустите, люди добрые, переночевать, - попросил Филипп.

- Нельзя! Желтушница у нас! - раздался из-за ворот грубый мужской голос сторожа.

- Я сам лекарь! Я бы мог вам помочь! - крикнул Филипп уже в пустоту.

Он устроился под кустом сирени и решил немного отдохнуть, а если удастся, и вздремнуть.

Глава 9

Антония быстрыми шагами возвращалась в палату после вечерней службы, чтобы обрадовать Диану, но тут ей навстречу выбежала молоденькая медсестра Елена.

- Игуменья Антония, там лисица застряла в заборе! За курами охотилась, негодница, и теперь страдает. Надо бы ее высвободить!

- Ты предлагаешь это мне? - строго спросила Антония.

Елена потупила взгляд.

- Но, игуменья, мне нужно для этого выйти за ворота, - наконец призналась она.

- Да? А не лжешь ли ты мне?

Елена встрепенулась, подняла на Антонию испуганные глаза и тотчас ответила:

- Что вы! Нет, нет, как можно? Взгляните сами на страдания этого бедного животного, и ваше сердце тоже проникнется к нему сочувствием, - горячо ответила девушка.

- Ну хорошо, идем посмотрим, - Антония последовала за девушкой.

И вправду, за курятником, у ровных грядок с огурцами в деревянной ограде застряла небольшая лисица. Она недовольно тьякала и извивалась.

- Господи! Божья тварь, - произнесла Антония и склонилась над страдающим животным, но в этот момент лисичка решила справить нужду, и сделала она это так неожиданно и быстро, что Антония даже не успела опомниться.

- Ох! - только и произнесла она, а потом послышались на весь двор ее причитания: - Мы, значит, жизнь ей спасаем, а нам так за то платит? Божья тварь! Ну, погоди у меня! Я тебя самолично выпорю! - Антония разговаривала с лисичкой, как с маленьким ребенком.

Елена еле-еле сдерживала улыбку:

- Игуменья, давайте я сама ею займусь, а вы пока приведите себя в порядок, - предложила она. Антония посмотрела на монахиню, потом на себя и вздохнула:

- Ты права, избавься от этой твари побыстрее, - она направилась обратно к госпиталю.

Филипп прекрасно слышал этот разговор и обрадовался случаю поговорить с девушкой. Он дождался, пока игуменья удалится, и приблизился к забору. Лисичка грозно тьякнула и распушила усики.

- Тише ты! - прикрикнул он.

- Ой! Там кто-то есть? - спросила Елена.

Филипп склонился и, отодвигая лисичку, встретился взглядом с Еленой.

– Я есть, и я могу помочь вам, – сказал он.

– Ох, пожалуйста! Будьте благородны, облегчите бедному животному страдания, – попросила она, и в ее голосе слышалась искренняя жалость.

– Вы знаете, я ведь только этим и занимаюсь всю свою недолгую жизнь, – сказал Филипп, освобождая лисичку из ловушки. Девушка взглянула на него внимательнее, а потом перевела свой взор на его руки, которые старательно и аккуратно высвобождали непослушную лисичку.

– Вы, наверное, врач?

– Откуда вы узнали? – удивился Филипп.

– По рукам, мой отец тоже был врачом, – ответила она. – Это единственное, что я помню о нем. Матери я не знала совсем, – голос ее погрузнел и она вздохнула.

Филипп промолчал. Он не знал, как начать разговор, но так как девушка была не прочь поболтать, это облегчало ему задачу.

– Это наше призвание, помогать людям, ничего не требуя взамен. Ах, если бы только кто-нибудь единственный раз помог мне, я бы поверил, что Бог действительно существует!

– Что вы говорите! – испуганно пролепетала девушка. – Бог есть, и он дает нам то, что мы имеем. Суровые испытания, выпадающие на долю каждого из нас, должны закалять нас и восприниматься как должное!

– Да, может, ты и права, но ответь, почему тогда кто-то всю свою жизнь посвящает здоровью и благополучию других людей, а сам получает от жизни только тумаки?

– Это испытание. Пройдя их с достоинством, ты сможешь заново открыть для себя мир, – ответила она. Лисичка уже убежала, а они беседовали, сидя по обе стороны забора.

– Мой мир открыт, но в нем нет веры, так как нет человека, с которым я бы хотел делить радости и заботы, – грустно произнес Филипп.

– Ты его еще не нашел?

– Нашел. Но...

Елена почувствовала в голосе незнакомца боль и отчаяние и захотела помочь этому человеку, облегчить его страдания, выслушать, посоветовать.

– Расскажи мне. Мне ты можешь довериться, – сказала она.

И Филипп, воодушевленный словами Елены, принялся рассказывать о своей беде. Никто их не тревожил все это время.

– Мне кажется, что ты пришел туда, куда нужно, – выслушав все, промолвила она.

– Она здесь? – спросил Филипп. Голос его выдавал сильное волнение, и оно передалось Елене. Она понимала, что поступает неправильно, но новизна этой ситуации и страстное желание помочь двум любящим людям, как представил Филипп, смело все запреты.

– Да, по всему – это она.

– Сестра, ради Господа Бога, ради памяти твоего отца! Помоги мне, не дай мне разувериться в добрых намерениях Господа и твоих тоже. Если я не найду ее, я потеряю себя!

Елена совершенно запуталась в своих мыслях. Голос этого человека действовал магнетически, и она не могла освободиться от мысли, что обязана ему помочь.

– Что передать этой девушке? – спросила Елена, вставая с помятой грядки.

– Скажи Диане, что Филипп ее нашел! Пусть она... нет, я хочу встретиться с ней! Ты сможешь это устроить?

– Думаю, что да, – ответила она, – жди меня здесь до полуночи. Если я не приду, значит, ничего не получилось. Ведь надо точно узнать, что это та девушка, о которой мы говорим. Нас, будущих монахинь, держат в строгости.

– Вы живете здесь, при госпитале? – спросил Филипп.

– Да. Видишь, вон наш монастырь. Здесь воспитываются сироты, как мы все, – сообщила она.

– Ты придешь? – тихонько переспросил Филипп.

– Если это правда она, то приду!

– Я верю, что это она! Я буду ждать тебя!

Елена быстрым шагом направилась в часовню помолиться.

* * *

...Антония обрадовала Диану новостью:

– Ты можешь оставаться здесь еще на месяц, но должна работать наравне с остальными послушницами, и жить будешь при нашем монастыре.

– Ох! Спасибо вам, я знала, что вы мне поможете, ведь вы всегда хорошо относились к нашей семье, – сказала Диана.

Антония опустила глаза:

– Теперь ты можешь выйти из кельи и осмотреть окрестности, только не выходи за ворота, это запрещено, а к девяти часам приходи на вечернюю службу.

Диана откинулась на жесткую подушку и вздохнула свободной грудью. После скромного ужина, который ей принесла молоденькая послушница, она решила прогуляться, как и посоветовала ей Антония. На освещенной солнышком

дорожке Диане встретилась Елена.

- У нас очень красивый сад, я могу проводить тебя, - предложила Елена, обрадовавшись, что все складывается удачно, она может поговорить с Дианой наедине. В келье это сделать сложнее. Ведь и у стен есть уши.

- Было бы неплохо, а то засиделась я тут за месяц, - поблагодарила Диана.

Они вышли на тропинку и медленно пошли по ней в сторону сада. Солнце уже село, и земля скудно освещалась его последними закатными лучами.

Они ни о чем не говорили, Диана любовалась красотой природы, а Елена никак не могла придумать, с чего начать разговор. Она постоянно оглядывалась и старалась побыстрее достигнуть сада, чтобы скрыться от невидимых, но зорких глаз.

- Куда ты спешишь? - смеясь, спросила Диана.

- У меня есть к тебе очень важный разговор, - шепотом произнесла Елена.

- Да? - Диана удивилась. Она не думала, что здесь до нее, никому неизвестной девушки, есть у кого-то дело. Да еще и важное. Это ее заинтриговало.

- Ты знаешь молодого человека по имени Филипп? - глядя в глаза Диане, спросила Елена. Диана остановилась и, схватившись рукой за ветку бука, затаила дыхание, глядя на Елену широко раскрытыми глазами.

- Он... здесь? Это... врач, лекарь, Филипп? - спросила она. Ее взгляд выдавал беспокойные мысли, она никак не могла сосредоточиться. Будучи от природы девушкой эмоциональной, она не сразу овладевала ситуацией.

- Он сказал, что нашел тебя и хочет видеть, - добавила Елена.

- Где он?

- Сегодня в полночь он будет ждать твоего ответа от меня, а потом ты сама решай, - сказала Елена.

– А почему ты... ты решила помочь?

Она и радовалась, что Филипп нашел ее, и в тоже время боялась огорчить Антонию. Ведь она сама попросила ее о помощи, а теперь и не знает, как поступить дальше. Новость о Филиппе выбила почву из-под ног. В какой-то момент она твердо решила убежать вместе с любимым куда глаза глядят, но в тот же момент вспомнила Антонию и испугалась.

«А почему убежать? Я ведь могу просто уйти!» – мелькнула у нее мысль, и она поделилась ею с Еленой.

– Глупая! Ты думаешь, что Антония так старается, чтобы оставить тебя здесь на какое-то время? Что она заботится о твоей душе? Неправда! Она готовит тебя к постригу без твоего ведома, и состоится он на будущей неделе. Мне случайно стало об этом известно. Если бы не твой Филипп, я бы и не подумала, что ты ничего не знаешь! Но когда разговорилась сегодня с Филиппом, а потом с тобой, – поняла, что ты в неведении о своей судьбе. Да и странно, что они держат тебя тут взаперти, у нас это не принято...

Диана была ошарашена:

– Но зачем? Зачем ей, им это надо?

– Вот и вправду глупышка! Ты же богата! И после того, как ты станешь монахиней, все твое состояние унаследует монастырь! Ты даже, наверное, еще и сама не знаешь, сколько у тебя денег, а слух прошел, что много, вот они с матерью-настоятельницей и взялись за тебя!

– Боже! – Диана села на траву и уронила голову на руки.

– Я же настоящая монахиня, и мой долг помогать, а не уничтожать чувства. Вот я и хочу хоть чем-то отличиться в этой жизни! – воодушевленно сказала Елена.

– А если кто-нибудь узнает? – встревожилась Диана.

– Кто? Да никто и понятия не имеет о нашем с тобой разговоре. Ты ведь меня не выдашь? – спросила Елена.

- Что ты?! Конечно, нет.

Глава 10

Диана никак не могла поверить в недобрые намерения Антонии и, чтобы убедиться или разувериться в них, решила поговорить с ней.

- Антония, я хочу поговорить с вами.

- Да, дочь моя, я тебя внимательно слушаю, - голос игуменьи был мягок и спокоен.

«Нет, не может быть!» - думала Диана.

- Завтра или послезавтра я бы хотела покинуть обитель, чтобы навеститься в дом покойных родителей и посмотреть, как там идут дела, - сказала она.

Антония застыла, и Диана все поняла.

- Давай поговорим об этом завтра, дочь моя, - она встала и проводила Диану, а сама задумалась, откуда вдруг такое неожиданное желание?

- Ну, чего ты добилась? Зачем? Неужели ты мне не поверила? - чуть ли не плача, спрашивала и ругала ее Елена.

- Нет, милая, я поверила тебе, но не могла до конца верить в корыстные намерения Антонии, - ответила Диана.

- Сегодня я еще смогу встретиться и поговорить с твоим суженым, но побег устроить уже будет сложно. Даже не знаю, что можно предпринять. Тебя день и ночь охраняют сторожа, одно хорошо - я знаю, как открывать наши двери!

– Филипп! – вскрикнула Диана, и тут же Елена жестом приказала ей замолчать. Именно это имя и услышала Антония, проходя мимо ее кельи. Она остановилась и, прикинув к двери, попыталась услышать, о чем говорят две девушки, но, к сожалению, ничего не услышала и решила с этой минуты не спускать с них глаз.

– Тише! Ты что? – зашептала Елена. – Говори тише! Филипп, Филипп! Я знаю, кто такой Филипп, – она расстроилась из-за неосмотрительности Дианы.

– Филипп, он может устроиться здесь работать! – Диана захлопала в ладоши и обняла удивленную подругу.

– Не все так просто! – оборвала ее Елена. – Они не берут людей с улицы, вот это и странно. Здесь работают только те, кто знает друг друга давно, это я заметила. Моя знакомая хотела работать здесь, чтобы быть рядом с больным мужем, но они категорически отказали ей, хотя людей не хватает.

– Тогда! Тогда, – мысли Дианы лихорадочно вертелись в голове. – Филипп может приготовить ка кое-нибудь зелье, чтобы усыпить сторожей, и тогда! – она подняла на Елену полные восхищения и радости глаза, и Елена невольна прониклась ее энтузиазмом.

– Точно, и как я сама до это не додумалась! Ну ладно, ты жди, а я сегодня скажу ему о нашем уговоре! Ты согласна? Как только он изготовит снадобье, ты сбежишь отсюда!

– А, может, и ты? – спросила Диана. – Мне кажется, что жизнь тут тебе не в радость. Я богата, мы сможем жить счастливо и в достатке! А? Елена, решайся!

– Ой! Я даже не знаю! Правда, я не знаю, – Елена была растеряна. Она и не представляла себе жизни вне стен монастыря. Вместе с сестрой Анастасией она попала сюда много лет назад, и теперь ей сложно было решиться на уход отсюда.

– Думай, но побыстрее! – предупредила ее Диана.

«Я не могу бросить Анастасию!» – подумала Елена, но все же возможность увидеть мир за этими стенами манила.

Поздно ночью Елена вышла из монастыря и направилась к тому месту, где ранее встретилась с Филиппом. Два раза тихо аукнула, он отозвался. Она быстро склонилась над щелью в заборе и передала все, о чем они договорились.

– Да, это она. Вы встретились на свадьбе твоей сестры, – первым делом начала она и дальше рассказала обо всем, что произошло с Дианой.

– Завтра! Снадобье будет завтра.

– Хорошо, встречаемся в девять, ты передаешь мне зелье, а в полночь я открою ворота и она сможет убежать, а с сегодняшнего дня ворота охраняют солдаты, – тихо сказала Елена и ушла.

* * *

«Если любовь действительно есть, он найдет тебя, и тогда поступай так, как велит сердце!» – вспомнила слова деда Макария Диана и убедилась, что сердце ее трепещет при мыслях о Филиппе.

«Надо проследить за этой девкой! Чего доброго, натворит мне тут делов. Что это за Филипп? Ах, дочка, дочка, если бы знала, сколько мучений пришлось мне перенести, когда твой отец отобрал тебя у меня! А теперь ты будешь со мной и мы вместе распорядимся его богатством!»

О том, что Диана хочет бежать, Антония не думала. Сейчас ее полностью поглотили воспоминания о прошлом.

Она была юной Анной Шубиной, когда устроилась в дом к богатому Половцеву Василию. Через год он изнасиловал ее, а когда узнал, что она беременна, запер в доме и, дождавшись рождения дочери, выгнал, а маленькую Диану забрал себе, наняв кормилицу и няньку. Как к этому отнеслась жена Василия, Антония не знала. Когда она попыталась выкрасть Диану, ее поймали. Василий пожалел ее и вместо тюрьмы отправил в монастырь. Это оказалось гораздо хуже тюрьмы.

С тех пор она поклялась любыми путями отомстить Василию и вернуть себе дочь. Время шло, Анна, а после пострига сестра Антония стала самой лучшей монахиней и быстро заслужила себе славу добрыми делами и постоянной

заботой о больных, нищих и бродягах. Через много лет она без труда, когда Половцевы умерли, вернулась в их господский дом, где обосновались сестры Василия, вошла в доверие к этой семье.

И сейчас, когда ее дочь оказалась рядом, Антония хотела рассказать ей обо всем, но вдвойне стала беспокоиться за нее и за себя. «Я никому ее не отдам! Она будет служить только Богу, на свете нет мужчины, который был бы достоин ее!» – решила Антония.

* * *

А в течение того месяца, пока Филипп искал Диану, в Ближнем происходило вот что.

Алексей, не смирившись с совместным проживанием с Дмитрием, переселился в хижину Филиппа, но работать продолжал с ним.

– Мы должны набраться опыта и только потом действовать самостоятельно, – говорил он Олегу, когда тот предложил отделиться от него.

– Я не хочу даже находиться рядом с ним! Слушать его страшные разговоры о мучениях больных, смотреть, с каким презрением он относится к ним! Алексей, ведь и к нам скоро начнут так же относиться, как к нему! Он просто сатана в обличье человека!

– Я тоже так думаю, но также знаю, что мы еще недостаточно сильны и разумны для самостоятельного лечения!

Олег поднялся и, пройдя по комнате, сказал:

– Ты поступай как хочешь, а я уезжаю! Я лучше буду учиться в городе, чем здесь, рядом с этим безумцем!

– Тогда я тоже! Это хорошая мысль, – сказал Алексей. Он и не подозревал, что Дмитрий наметил его своей следующей жертвой, но не последней...

Первой жертвой была Настя. Та самая Настя-Одуванчик, которую Филипп вылечил от простуды. Настя была больным ребенком с самого рождения, и потому любая самая маленькая простуда могла привести ее к смерти.

Дмитрий, будучи врачом от Бога, сразу заметил это, и решил воспользоваться выпавшей удачей, тем более, что приближался срок.

Трава белладонны, настоянная на аммиаке, быстро умертвила девочку, после чего он с помощью своих людей, отправил ее тело в Новгород, где находилась их главная лаборатория. В тот же день он поджег сарай Петровых и сказал матери, что видел, как в сарай вбежала девочка за своим котенком и, вероятно, погибла там.

Через две недели из Новгородского общества пришла весть, что Дмитрий восстановлен в своем сане.

Еще через какое-то время он занес заразу Павлу Полозу, дяде Филиппа. Вспомнив о старой обиде на Филиппа, он даже обрадовался, что следующей жертвой оказался родственник его врага.

«Я и не ожидал здесь таких быстрых результатов, – писал он Чернопятову. – Но условия, в которых живут эти люди, позволяют не затягивать с выбором очередной жертвы, и потому я решил остаться здесь еще на некоторое время. Надеюсь, мой труд будет оценен общиной».

Павел уже не мог ходить. Зараза распространилась до колена, нога раздулась до невероятных размеров.

– Надо резать, – сказал Дмитрий после очередного осмотра, зная, что Павел не согласится на это.

– Господи! – заплакала Глаша. – Где же наш Филипп? Уж он-то наверняка мог бы вылечить!

Дмитрий скрипнул зубами, но не показал вида, насколько ее слова уязвили его самолюбие.

– Его нет, и благодарите Бога, что есть вообще кто-то в этой глуши! – сказал он и, резко поднявшись, вышел из дому.

Олег и Алексей учились в Новгороде и жили у Ольги с Максимом. Глаша не хотела писать сыну о болезни отца, зная, как тот расстроится, тем более, что он не сможет помочь, а Ольга была беременна, и матери не хотелось расстраивать дочь.

Чернопятов написал, что им нужна нога человека, который заболел газовой гангреной, и Дмитрий решил быстрее уговорить Павла на операцию, которую собирался провести сам, но через несколько дней в Ближний приехал сам Чернопятов с коллегой.

– Вы представляете, ведь сам профессор приехал из Новгорода, чтобы прооперировать вас! Ведь и без ноги можно жить! Как вы этого не понимаете? Не сегодня, так завтра начнется общее заражение крови, она свернется, и вы умрете в страшных мучениях! – уверял Дмитрий Павла.

– Ладно, ладно! Черт с тобой, я согласен. Сил больше нет терпеть эту боль, – согласился Павел и наутро уже лежал на столе.

Дмитрий и Чернопятов сделали все так, как им было нужно. Проследив за мучениями Павла, они отрезали ему ногу, но не устранили болезни. Он еще два дня пожил, крича от боли, и умер на руках у жены.

– Теперь мы знаем, в течение какого времени человек способен выдержать послеоперационный период! Это надо записать и обязательно использовать в будущем! Нельзя допускать такие ошибки! Нельзя! – сказал профессор и захлопнул папку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/aleksandrova_marina/znahar

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)